

РОЛЬ МИФОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫХ СТРУКТУР ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

М. Р. Галиева

Узбекский государственный университет мировых языков

Поступила в редакцию 5 мая 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается значимость мифолого-религиозных структур знания в обучении иностранным языкам в специализированных языковых вузах, освящается проблема взаимодействия языка, религии и культуры, раскрывается концептуальная значимость мифолого-религиозных языковых единиц, которые, используя в художественном тексте, активизируют структуры знаний мифолого-религиозного характера и способствуют раскрытию концептуальной информации, заложенной в основу произведения.

Ключевые слова: мифолого-религиозные языковые единицы, художественный текст, структуры знания, концептуальная информация, интерпретация.

Abstract: the paper analyses the role of mythological and religious knowledge in teaching foreign languages to students majoring in languages and linguistics. The problem of interaction between language, culture and religion is discussed with the aim to describe the functions of mythological and religious language units. When used in literary texts, these units activate specific type of knowledge from the sphere of mythology and religion and uncover conceptual information on which the texts are based.

Key words: mythological and religious language units, literary text, knowledge structures, conceptual information, interpretation.

За последние несколько лет в преподавании иностранных языков Республики Узбекистан наблюдаются коренные изменения. Это обусловлено, с одной стороны, требованиями процесса мировой глобализации, интенсивного развития международных отношений в сфере экономики, культуры и образования, с другой, общемировой тенденцией к использованию коммуникативного подхода в изучении иностранных языков. Следует отметить, что в Республике Узбекистан изучение иностранных языков также поддерживается и поощряется на государственном уровне, о чем свидетельствует ряд нормативных документов, в том числе и постановление Президента Республики Узбекистан от 10 декабря 2012 г. № 18/75 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков». Поставленные в нормативных документах задачи требуют совершенствования системы обучения иностранным языкам, внедрения передовых методов преподавания с использованием современных педагогических и информационно-коммуникативных технологий, коренного обновления вузовских программ на основе международных достижений. Именно поэтому в настоящее время основной целью обучения иностранному языку является подготовка высококвалифицированных кадров, владеющих навыками межкультурной коммуникации,

что предполагает овладение не только языковыми, но и внеязыковыми знаниями: культура народа изучаемого языка, ее история, мифология, религия, социокультурные традиции, особенности национального мировоззрения. Это предполагает необходимость применения междисциплинарного подхода к обучению языку, т. е. привлечения данных ряда смежных дисциплин: истории, социологии, психологии, теологии, культурологии и др. В связи с этим возрастает важность и актуальность лингвокультурного подхода в обучении иностранным языкам. Актуальность этого подхода обусловлена самой целью данной науки – исследование сложных взаимоотношений «язык – мышление – культура – общество» и необходимостью изучения национально-культурной специфики языковых единиц.

Исследуя взаимодействие этих проблем, нельзя не учитывать роль религиозного фактора в языке, так как религия, будучи одной из важнейших форм общественного сознания, самым непосредственным образом влияет на мировоззрение и мировосприятие носителя того или иного языка, определяя его особый образ мира, менталитет, психологический склад и взгляд на окружающую действительность, формируя его национальную картину мира, важной составляющей которой является религиозная картина мира (РКМ). Следует отметить, что используемое нами понятие РКМ стало активно употребляться в

лингвистике в последние годы, что связано с развитием лингвистических исследований, направленных на изучение структур знаний религиозного характера, отраженных в языке. Как отмечает И. В. Бугаева, РКМ представляет собой «когнитивную структуру, вобравшую в себя совокупность духовно-нравственных ценностей, основанных на религиозном учении, которое исторически формулировало мировоззрение и культурно-национальное самосознание народа» [1, с. 14]. Характерной особенностью РКМ является и то, что она формируется не только под влиянием сугубо религиозных догматов, но и национального мировосприятия. Вербализуясь средствами языка, РКМ становится культурным наследием народа и неотъемлемой частью концептуальной и языковой картин мира. Именно поэтому, по мнению многих исследователей, религиозная культура нашла отражение в словах, пословицах, фразеологизмах, афоризмах, культурных концептах и «послужила мощным культурноносным источником» [2].

Как известно, одним из наиболее значимых источников культурной информации является текст. Д. У. Ашурова отмечает, что художественные тексты «по сути своей представляют одну из форм культуры. Именно художественный текст является носителем социокультурной, эстетической и эмоциональной информации» [3]. Поэтому занятия по интерпретации текста в значительной степени расширяют как профессиональные, так и энциклопедические знания студентов [4]. Для осуществления адекватной интерпретации текста с целью понимания его глубинного содержания студенты должны обладать различными видами фоновых знаний. В частности, интерпретация произведений художественной литературы англоязычных авторов требует хороших знаний в области христианской религии и античной мифологии, так как многие произведения насыщены различными аллюзиями, цитатами, фразеологическими единицами библейского и мифологического происхождения. Это объясняется тем, что христианство и античная мифология в англоязычной культуре является неотъемлемой частью культурной и повседневной жизни, формируя особый образ мировосприятия английской лингвокультуры, ее духовный и национальный взгляд на окружающую действительность. В связи с вышесказанным изучение особенностей лингвистической репрезентации РКМ в процессе обучения иностранным языкам становится весьма актуальным.

Как показал опыт работы со студентами бакалавриата и магистратуры на занятиях по курсам «Стилистика и интерпретация текста», «Лингвистика текста» и др., группы студентов, родным языком которых является узбекский, зачастую испытывают определенные трудности при интерпретации текстов англоязычных авторов, в которых использованы те

или иные мифолого-религиозно маркированные языковые единицы (МРМЯЕ). Данный феномен обусловлен различиями вероисповедания и мифологического наследия. Как известно, узбекская лингвокультура входит в состав мусульманской макрокультуры, в то время как английская – в христианскую. Кроме того, английская культура является наследником античной мифологии, а узбекская – ирано-авестийской. Вместе с тем нельзя не отметить, что многие из студентов имеют энциклопедические знания мифолого-религиозного характера в основном касающиеся сюжетных линий и героев Ветхого Завета (легенды о Каине и Авеле, Соломоне, Иосифе Прекрасном, мировом потопе), что обусловлено общностью основы монотеистических религий. Знания античной мифологии в основном приобретены посредством популярных художественных фильмов, таких как «Ясон и аргонавты», «Троя», «Геракл», «Одиссей», «Атлантида», «Война Богов» и др. Однако данные знания являются поверхностными и в основном ограничиваются знанием имен героев и связанных с ними ключевых сюжетов (зачастую подвергнутых своеобразной интерпретации в фильме), мифических существ и их особенностей (минотавр, кентавр, циклоп и др.).

Как показали результаты работы со студентами, религиозная картина мира, отражающая христианские понятия, во многом «чужда» носителям других вероисповеданий и требует адекватной интерпретации. Тем более что мифолого-религиозно маркированные единицы вербализуются равноуровневыми языковыми единицами: **лексическими** (*Armageddon, Messiah, Hallelujah, Golgotha, ariel, apostle, altar, cross, crucifix, myrrh, archangel, agape, catechism*); **словообразовательными** (*gospel, crucifixion, altar-piece, crucifixion, sabbatical, altar bread, altar-cloth, godfather, godmother*); **словосочетаниями** (*Holy Ghost, Ten Commandments, Mosaic law, Blessed night, Christmas Eve*); **фразеологическими** (*a thorn in the flesh; Cassandra's warning; Pandora's box; a wolf in sheep's clothing; pearls before swine; sour grapes; seven devils, a nest of vipers*); **паремнологическими** (*the spirit is willing but the flesh is weak; many are called but few are chosen; spare the rod and spoil the child*). Кроме того, следует отметить и терминологию **церковно-обиходного** характера: *abbot, bishop, nun, cathedral, monk, episcopo, priest, sacrist, episcopate, sacristy, archbishop, church, deacon, orthodox, catholic, mitre, parish, missionary, etc.* и понятия, связанные с **церковно-обрядовыми ритуалами**: *the Epiphany, eucharist, sacring, chrism, christening, communion, anathema, chrisom, sacrifice, altar wine, altar bread, etc.*

Данные религиозно маркированные единицы не только зафиксированы в словарях, но и активно используются в различных текстах: художественном, публицистическом, газетном, поэтическом и др.

Однако наиболее ярко религиозная картина мира отражается в художественном тексте. Это обусловлено тем, что многие религиозные, в частности библейские и мифологические, выражения, тексты, легенды используются в художественном тексте в качестве прецедентных текстов.

Как показал анализ языкового материала, МР-МЯЕ, заключающие в себе как концептуальную, так и культурную информацию, являются одним из основных сигналов интертекстуальности, определяемой в общем виде как механизм межтекстового взаимодействия двух и более текстов, принадлежащих разным авторам, которая реализуется посредством введения в текст интертекстуальных включений (аллюзий, цитат, афоризмов, высказываний), заимствованных из других текстов. Это обусловлено тем, что, во-первых, прецедентные тексты мифолого-религиозного происхождения по степени известности являются универсально-прецедентными, т. е. известными представителям различных лингвокультур, а во-вторых, входят в число «сильных» текстов, под которыми понимаются «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [5, с. 128]. По мнению Н. А. Кузьминой, религиозные книги относятся к ядерным, т. е. к текстам, имеющим вневременную отнесенность и непреходящую ценность и формирующим ядро национальной культуры [6, с. 53]. Мифолого-религиозные тексты как прецедентные имеют огромное значение в масштабах мировой культуры и являются кросскультурными универсалиями. Особенностью прецедентных текстов мифолого-религиозного происхождения также является их способность в лаконичной форме представить развернутую концептуальную информацию, одновременно способствуя порождению новых контекстуальных смыслов.

Наиболее репрезентативными языковыми единицами, в семантике которых присутствуют национально-специфичные, культурно-исторические и символические значения, являются антропонимы и топонимы. Имена известных людей, мифологических и религиозных героев, названия мифологических городов, земель и др. становятся своеобразными культурными знаками, отражающими стереотипы, эталоны, символы, принятые в определенной лингвокультуре. Антропонимы и топонимы, первоначально функционируя в качестве имени собственного, затем в силу определенных экстралингвистических факторов (широкая известность, яркие характерологические признаки, внешние характеристики, моральные качества) переходят в разряд нарицательных. Становясь носителями новой, дополнительной информации и характеризуюсь наличием ряда ассоциативных связей, представляющих аксиологическую значимость для того или иного языкового коллектива, они превраща-

ются в символы. Символ, являясь единицей более сложного уровня, отличается знаковым характером, в компактной форме кодирует в своем содержании большой объем эксплицитной и имплицитной информации, становясь тем самым средством представления знаний и передачи культурной информации. Кроме того, символ выполняет и когнитивную функцию, так как используясь в языке и речи, активизирует структуры знаний мифолого-религиозного характера: *Samson* – сила; *Judah* – предатель, иуда; *Job* – многострадальный, терпеливый человек; *Solomon* – мудрый человек; *Magdalene* – раскаявшаяся грешница; *Samaritan* – добрый человек; *Doubting Thomas* – недоверчивый человек; *Prometheus* – человеколюбие; *Apollo* – свет; *Jerusalem* – святой город; *Babylon*, *Sodom*, *Gomorrah* – символы разврата, безнравственности; *Canaan* – символ благодатной земли; *Golgotha* – центр, ось мира; *Galelee*, *Nazareth*, *Bethlehem* – места рождения и проживания Иисуса Христа и др. Используясь в художественном тексте, религиозные антропонимы органично вплетаются в текст в качестве аллюзии и сохраняют свою символическую функцию, которая заключается в их способности ассоциироваться с психологическими, внутренними и внешними характеристиками, моральными качествами определенного человека. Проиллюстрируем вышесказанное примером:

Matilda was a tall, thin, graceful fair girl, with a rather large nose. She was the Mary to Emmie's Martha: that is, Matilda liked painting and music, and read a good many novels, whilst Emmie looked after house-keeping. Emmie was shorter, plumper than her sister, and she had no accomplishments. She looked up to Matilda, whose mind was naturally refined and sensible (Lawrence, *You Touched me*).

В данном отрывке текста при описании характеров сестер Рокли использованы религиозные антропонимы Мария и Марфа. Согласно библейскому преданию, Иисуса Христа во время его странствований приняли в доме, принадлежащем сестрам Марии и Марфе. Пока Марфа готовила угощение, ее сестра Мария с благоговением слушала его речь. Когда Марфа пожаловалась, что ее сестра не помогает ей, Иисус ответил, что Марфа суетясь о насущной пище забыла о самой важной, духовной пище, которую выбрала ее сестра Мария. Поэтому в христианской традиции имя Марии стало символом духовности, а имя Марфы наоборот – символом духовной бедности. Используя данные антропонимы-символы при описании сестер Рокли, автор в сжатой форме противопоставляет духовно развитую Матильду (*liked painting and music, read a good many novels, refined and sensible*) духовно бедной Эмми (*looked after house-keeping, had no accomplishments*), проводя следующую параллель: Матильда – Мария, Эмми – Марфа.

Знание религиозно-маркированных единиц в процессе интерпретации художественного текста порою становится ключевым. Наиболее значимым в когнитивном плане является использование религиозно-маркированных единиц в качестве аллюзивных заглавий, которые выполняют роль своеобразных «накопителей» важной концептуальной информации. Это можно проследить на примере следующих аллюзивных заглавий: *The gift of the Magi* (O’Henry), *East of Eden* (Steinbeck), *Kane and Abel* (Archer), *The Parsifal Mosaic* (Ludlum), *Samson and Delilah* (Lawrence); *Gaspar, Melchior, Baltasar* (Thomas). Незнание семантики данных аллюзий и связанных с ними структур знаний делают процесс интерпретации текста неадекватным, так как не позволяет в полной мере проникнуть в глубинное содержание произведения. Рассмотрим это утверждение на примере рассказа O’Генри “The Gift of the Magi”. Данный заголовок представляет собой аллюзию на библейскую историю о волхвах. Согласно библейскому преданию, дары волхвов – это драгоценные подарки и благовония (золото, ладан, смирна), которые три мудреца-волхва преподнесли младенцу Иисусу.

В рассказе повествуется о бедно живущей молодой паре супругов. Герой и героиня рассказа хотят преподнести друг другу подарки на Рождество. Однако единственное ценное, что есть у молодых супругов, это волосы Деллы и золотые часы Джима, доставшиеся ему по наследству. Делла продает свои волосы и покупает Джиму платиновую цепочку для часов, а Джим – часы, чтобы купить заколки для волос Деллы. В итоге оба подарка оказываются бесполезными, но становятся символами их любви и самопожертвования. Концептуальная значимость заглавия эксплицитно раскрывается лишь в последнем абзаце:

The magi, as you know, were wise men – wonderfully wise men – who brought gifts to the Babe in the manger. They invented the art of giving Christmas presents. Being wise, their gifts were no doubt wise ones, possibly bearing the privilege of exchange in case of duplication. And here I have lamely related to you the uneventful chronicle of two foolish children in a flat who most unwisely sacrificed for each other the greatest treasures of their house. But in a last word to the wise of these days let it be said that of all who give gifts these two were the wisest. O all who give and receive gifts, such as they are wisest. Everywhere they are wisest. They are the magi.

Таким образом, посредством религиозно маркированного заглавия, в рассказе проводится параллель между молодыми супругами и библейскими волхвами. Автор называет их мудрейшими, вознося их бескорыстную и безграничную любовь, самоотречение и самопожертвование до высоты мудрости волхвов и их даров. Заголовок рассказа становится центром фокуса всего текста, покрывая всё его концеп-

туальное содержание. Характерной особенностью текстов этого типа является то, что в основе концептуального смысла всего текста положен тот или иной религиозный миф. Так, в основе романа “East of Eden” Дж. Стейнбека лежит библейская легенда о Каине и Авеле, “The Handmaid’s Tale” М. Этвуд построено на легенде о взаимоотношениях Иакова и Рахиль.

Наряду с этим следует отметить, что аллюзии на мифологические и библейские легенды не всегда располагаются в сильных позициях текста (заглавие и конец), а вводятся в текст имплицитно для характеристики того или иного персонажа, его физического или психологического состояния. При неадекватной интерпретации таких аллюзий в какой-то степени теряется художественная насыщенность произведения. Рассмотрим сказанное на примере фрагмента произведения Т. Драйзера “Sister Carrie”, в котором автор вводит в текст религиозный антропоним “Lazarus”: *And now poverty threatened to seize her entirely and to remove this other world for upward. Like a heaven to which any Lazarus might extend, appealingly, his hands.* Использование данного аллюзивного антропонима религиозного происхождения в тексте отсылает сознание читателя к известной библейской притче о нищем Лазаре и богаче. Согласно притче, Лазарь был настолько бедным человеком, что был вынужден есть крошки со стола богача. Поэтому в христианской традиции имя Лазарь приобрело символическое значение «бедность, убогость» [7]. Посредством использования данного религиозного антропонима автор сравнивает надвигающуюся на Кэрри бедность с бедностью Лазаря, раскрывая при этом и ее эмоциональное состояние: страх и ужас перед предстоящим, смятение, отчаяние, паника, безнадежность, печаль.

Кроме того, многие мифолого-религиозные аллюзии используются в художественном тексте для достижения различных стилистических эффектов: иронии, сарказма и др. Например, в рассказе Ф. С. Фитцджеральда “The Diamond as Big as the Ritz” родители решают избавить своего сына от убогой жизни и отправляют его в самую престижную школу имени Святого Мидаса:

Nothing would suit them but that he should go to St. Midas’ school near Boston. Hades was too small to hold their darling and gifted son...

St. Midas’ is the most expensive and the most exclusive boys’ preparatory school in the world... the fathers of all boys were money-kings.

Название школы «Святой Мидас» отсылает к древнегреческому мифу о фригийском царе Мидасе, известном несметностью своих богатств. В данном названии школы использовано оксюморонное сочетание *Saint Midas*, включающее противоположные по денотативной отнесенности компоненты, которые

направлены на номинацию отличных друг от друга сущностей. Лексема “*saint*” имеет положительный эмоционально-оценочный смысл и характеризует благочестивого человека, являющего собой образец добродетели, в то время как “*Midas*” (фригийский царь, известный своим пристрастием и преклонением золоту), имеет резко выраженный отрицательный смысл. Данное оксюморонное сочетание в ряду таких номинаций, как St. Edward’s University, St. Paul’s school, становится пародией и приобретает саркастический смысл, указывая, что для учеников этой школы богатство и роскошь являются главными показателями достоинства человека. Интересно отметить, что девиз этой школы – “Pro deo et patria et St. Mida” (За господина, родину и Святого Мидаса). Использование в девизе школы мифологемы Midas, употребляемой наряду с аксиологически значимыми понятиями, репрезентируемыми лексемами God, Motherland еще раз акцентирует ироническо-саркастическое отношение автора [8, с. 55].

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы: а) для осуществления адекватной интерпретации текста необходимо иметь широкие фоновые знания, в частности мифолого-религиозного характера, которые должны быть учтены в лекционных курсах по лингвистике текста, стилистике и интерпретации текста, лексикологии, фразеологии; б) в вузах языкового профиля необходимо провести коренное обновление учебных программ с учетом современных тенденций и достижений в

лингвистике; в) необходимый уровень владения языком как в процессе педагогической деятельности, так и в межкультурной коммуникации предполагает овладение не только лингвистической компетенцией, но и социокультурной, когнитивной и лингвокультурной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы : современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Бугаева. – М., 2010. – 48 с.
2. Ashurova D. U. Новые подходы к лингвистике текста / D. U. Ashurova // Хорижий филология : тил, адабиёт, таълим. – 2011. – № 3 (40). – С. 26–33.
3. Ashurova D. U. Text Linguistics / D. U. Ashurova. – Tashkent : Tafakkur Qanoti, 2012. – 204 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Денисова Г. В. В мире интертекста : язык, память, перевод / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 297 с.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 267 с.
7. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
8. Галиева М. Р. Концептуальная значимость мифологемы в художественном тексте / М. Р. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (9). – С. 52–56.

Узбекский государственный университет мировых языков

Галиева М. Р., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и английской литературы

E-mail: margarita22@mail.ru

*Uzbek State University of the World Languages
Galieva M. R., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Linguistics and English Literature Department*

E-mail: margarita22@mail.ru